

О ПУТЕШЕСТВИИ П. С. ПАЛЛАСА ПО АЛТАЮ

(некоторые архивные материалы)

1966 г. был юбилейным годом памяти Петра Симона Палласа. Исполнилось 225 лет со дня его рождения (1741 г.), 195 лет со дня его путешествия по Алтаю (1771 г.) и 155 лет со дня смерти ученого (1811 г.). П. С. Паллас вошел в историю русской науки как выдающийся естествоиспытатель и путешественник.

П. С. Паллас был приглашен из Германии в 1768 г. для руководства одним из отрядов «физических» экспедиций Российской Академии Наук. В том же году он доехал до Симбирска, в следующем объездил Южный Урал, Прикаспийскую низменность, в 1770 г. изучил Урал и Зауралье. Зимой 1770—71 гг. провел в Челябинске. К этому времени его экспедиция выполнила все маршруты и задания. Тогда П. С. Паллас получил дополнительно, по личной его просьбе, разрешение Академии наук продолжать изыскания в Сибири. Экспедиция на Алтай первоначально не предусматривалась.

В 1771 г. он прибыл в Омск и вскоре вступил на территорию Кольвано-Воскресенского горного округа.

В пределах современного Алтайского края П. С. Паллас провел около двух месяцев и за это время осмотрел заводы и рудники, собрал гербарий, изучил ряд документов, подготовил коллекции. Поездка его по краю описана в книге «Путешествие по разным местам Российского государства» (часть вторая, книга вторая, СПб, 1786).

Проследим путешествие П. С. Палласа по Алтаю по документам. По получении разрешения на путешествие по Сибири, 11 января 1771 г. ученый пишет уведомление в канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства с просьбой об оказании ему помощи:

«В силу данной мне по высочайшему повелению инструкции и путешественного плана, должен я в нынешнем году те места объезжать и описать, кои южнее между Иртышом, Обью и Енисеем лежат. Я не сомневаюсь, чтобы канцелярии не известны были всевысочайшее собственное повеление Ея Императорского величества и правительствующего сената об отправляемых от Императорской Академии Наук, и о учинении вспоможения оным, для обеспечения препорученных мне дел. И так в силу сего прошу канцелярию Кольвано-Воскресенского Горного Начальства, мне обстоятельное сообщить описание всех под ее ведомством состоящих как в действии находящихся рудников, так и других известных и расшурфованных старых и новых рудных приисков, находящихся как вверх по Иртышу, Ульбе, Алею и Чарышу, так и в других рудных горах и по Енисею, с показаниями других при канцелярии известных минеральных достопамятностях и рудных горных пород тех мест. Не мелкой бы пользы при учреждении моего путешествия и то было, когда б карту сих стран, на которой бы настоящее положение рудников и заводов изображено было, сочинить, и оную с помянутыми

нужными известиями в Омскую крепость, где я в апреле месяце находиться буду, переслать.

Челябинск, Генваря 11 дня, 1771 года
Профессор Петр Паллас¹.

В Барнаульскую канцелярию письмо П. С. Палласа поступило 12 марта, а 16 марта на заседании оно слушалось. Изложив просьбу П. С. Палласа, протокол гласит далее:

«...А по справке в канцелярии горного начальства о препорученной ему господину профессору Палласу экспедиции Указа в получении не имеется (выделено мною — А. С.), однако в полученных здесь печатных санктпетербургских ведомостях за 1768 год № 48 июля 13 дня напечатано, что между прочими от санктпетербургской Императорской Академии Наук — отправлен для изыскания...»

и. т. д., то есть говорится о «физических» экспедициях².

В Барнауле не было указаний об экспедиции П. С. Палласа. Поэтому барнаульское начальство могло оказывать ему помощь только по своему усмотрению, как частному, хотя и известному лицу. И то, что была обнаружена газета трехлетней давности, и только ею основывались в приеме экспедиции — все это делает честь тогдашнему руководству. Канцелярия постановила предоставить требуемое П. С. Палласом, но вручить не в Омске, а по прибытию его на Алтай, в частности — в Змеиногорский рудник. Обо всем этом сообщалось самому П. С. Палласу в отдельном письме³.

Змеиногорской конторе поручили составить роспись о заводах и рудниках, а бергмейстеру Николаю де Кроеру составить карту. 14 июля де Кроер рапортовал, что карту сочинил: в канцелярской приписке сказано, что ее вручить Палласу, когда он прибудет сюда, т. е. в Барнаул. 25 июля в Змеиногорск прибыл Паллас, и ему означенная роспись была вручена⁴.

Не мог получить П. С. Паллас некоторых сведений об Алтае. Например, 31 января 1773 г. в канцелярии слушалась просьба П. Палласа о представлении ему журналов офицеров-участников экспедиции в необитаемые места за озеро Телецкое и в другие места. Канцелярия на своем заседании постановила ответить, что действительно офицеры посылались, и что они нашли слишком бедную руду. Но относительно того, что эти офицеры вели записи, журналы, карты — им не известно. Резолюция вышла такая:

«...профессору Палласа уведомить о том, чтоб с журналов и рапортов и выписки и экстракты требовал откуда надлежит»¹.

Переписка с П. С. Палласом в канцелярии снабжалась характерной пометкой: «О чинимых здесь удовольствиях господину профессору Палласу». Каковы эти «удовольствия»?

21 августа 1771 г. в Колывано-Воскресенскую канцелярию пришел рапорт из Змеиногорской конторы.

¹ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 479, л. 235.

² Там же, л. 236. Как удалось установить, канцелярист Пастухов допустил ошибку: сообщение в «Санктпетербургских ведомостях» напечатано на месяцы раньше, 13 июня 1768 г.

³ Там же, л. 237.

⁴ Там же, л. 239, 240.

«... во время бытия при Змеиногорском руднике господина профессора Палласа, по требованию его чинено следующее: 1-е, все здешние горные и промывальные производства, также об оных чертежи с надлежащими изъяснениями показаны, а притом от некоторых заключающихся здесь и при посторонних рудниках горных пород и минералов, также которые отсюда уделить было можно, в небольшом количестве даны; ибо изъяснялся он, что по множеству собранных натуральных до здешнего места вещей, большой тяжести с собою перевозить ему не можно. 2-е, для показания посторонних работ, посланы были с тем господином профессором, до Семеновского унтер-офицер, а до Локтевского и Чагирского рудников штейгер, которым при сем случае поручено было производимые там работы осмотреть и дать наставление, как и кроме приезде его Палласа, такового оным посылку учинить неотменно б требовалось: следовательно в том особенного расхода не произошло. 3-е, для показания от Семеновского рудника линии до Чагирского рудника тракта и потребных ему господину профессору мест, дан был знающий сии места промывальщик Зубов; но сколько он всего в проезде находился, получил от реченого профессора довольно плату, почему за оные дни из казны жалования в даче ему не было. 4-е, по требованию его господина Палласа, хотя из казны для собственной упряжки и прочего были подеданы поправления, однако за оные получены в казну по уставным ценам деньги. 5-е, во время проезда по рудникам дано потребное число обывательских лошадей за указные поверстные деньги, а более того господин профессор от здешней конторы ничего не требовал и расходов для него не было»².

Зиму 1771—1772 гг. Паллас провел в Красноярске, летом путешествовал в Восточной Сибири. Еще в первое свое путешествие по Красноярскому уезду ему был представлен крестьянин Медведев, который обнаружил в Убейских горах самородное железо. Путешественник счел нужным крупные образцы отправить в Академию наук. Весь валун весом до 30 пудов он не мог отправить и просил Кольвано-Воскресенскую канцелярию побеспокоиться о вывозе самородка. Приехав на обратном пути в Россию в Красноярск, П. С. Паллас 8 января 1773 г. пишет вновь в Барнаул. Он просил канцелярию затребовать валун из Красноярска в Барнаул, взять пробные «штуфы», а весь валун порохом разорвать для «сведения (изучения — А. С.) внутреннего его состояния». Глыбу сохранить до указания из Академии наук.

Барнаульская канцелярия принялась деятельно хлопотать о доставке глыбы в Барнаул. Глыбу для начала перегнали в Ачинский острог. В ноябре она оказалась в Барнауле и сдана в комиссарское правление на хранение. Однако след ее затерялся и снова началась переписка с Красноярской воеводской канцелярией. Из Красноярска в апреле 1774 г. ответили, что-де та глыба отправлена давно с поручиком Краснощековым.

П. С. Паллас, совершив свое знаменитое шестилетнее путешествие, в 1774 г. вернулся в Петербург. В декабре в Барнаул был направлен запрос комиссии Академии наук о самородном железе (в канцелярии это письмо было получено 27 марта 1775 г.). Комиссия готова заплатить издержки по перевозу глыбы в Петербург.

«но с тем, чтобы оная канцелярия благоволила помянутую глыбу самород-

¹ Там же, л. 227—об.

² Там же, д. 479, л. 241—об.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 372, л. 94.

ного железа отвезти сперва наступившим нынешним зимним временем до ближайшей судовой пристани, а оттуда отправить оную глыбу водою будущим летом на первых караванных судах, которые пойдут до Санктпетербурга, для доставления в императорскую Академию Наук»¹.

В Барнауле разыскали глыбу, 2 апреля 1775 г. взвесили ее—оказалось 38 пудов. Коллежский регистратор Данило Бахарев рассчитал стоимость провоза от Красноярска до Ачинска, до Барнаула, до Тобольска — «...а всего 6 рублей 11³/₄ копейки».

6 апреля на заседании канцелярии начальник заводов генерал Ирман, Иван Леубе, Иван Черницин, обсудив вопрос,

« приказали: как со здешнего Колывано-Воскресенского заводу до Санктпетербурга воденою коммуникациею каравану никогда не бывает, то в рассуждении оную вышеупомянутую глыбу будущим сего года летом, отправить на судне обще с денежною казною до Тобольска в Сибирскую губернскую канцелярию и с требованием таковым чтоб она благоволила тое глыбу принять и по зимнему пути на щет учрежденной при императорской Академии Наук комиссии доставить до ближайшей судовой пристани, а от комиссии потребовать расход пять рублей одиннадцать и три четверти копейки»².

В марте 1776 г. в Барнаул пришла «промемория» из Тобольска, что «означенная» глыба отправлена с тобольским дворянином Яковым Смольяниновым водным путем до Москвы.

¹ Там же, л. 109.

² Там же, лл. 113—114.